

Денн М. Влияние феноменологии Э.Гуссерля на российскую науку 1910–1920-х годов

English version: [Dennes M. Husserl's phenomenology and its impact on Russian science in 1910–1920](#)

Университет им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматривается развитие феноменологии в России. На основании анализа работы Г.Шпета «Явление и смысл» показано, что феноменология в России изначально была связана с философией языка. В сфере наук о человеке подобная тенденция поворота в сторону языкознания стала особенно выраженной в конце 1910-х годов, в рамках деятельности Московского лингвистического кружка, а затем, в 1920-е гг., – Государственной академии художественных наук (ГАХН), где понятие «внутренняя форма» приобрело характер общего методологического принципа. Развитие феноменологии в России рассматривается на примере творческой деятельности Е.Д.Поливанова.

Ключевые слова: феноменология, лингвистика, методология, философия языка, внутренняя форма

С учетом уже проделанной в последние годы во Франции работы, посвященной феноменологии Гуссерля и ее влияния на российскую гуманитарную науку 1910–1920-х гг. [Pighetti, 1997a; Dennes, 1997b, 1998, 2001, 2005, 2008a], я ограничусь здесь только кратким изложением некоторых положений этой проблемы. Целью моего исследования является рассмотрение новых перспектив ее изучения, исходя из анализа произведений Евгения Поливанова. Изучение деятельности российского лингвиста проводится в контексте феноменологии Э.Гуссерля, которая в России в основном разрабатывалась Густавом Шпетом, причем в фокусе моего внимания оказываются вопросы, касающиеся философии языка.

Три главных момента этой работы можно сформулировать следующим образом.

1. В первом разделе, при обсуждении роли феноменологии и влияния идей Э.Гуссерля в России 1910–1920 гг. отмечаются наиболее значимые для моего анализа детали, рассматриваются определенные исторические вехи с опорой на книги и статьи, которые уже опубликованы и легкодоступны.
2. Во втором разделе, при сравнении идей Е.Д.Поливанова и феноменологии, проводится анализ отдельных положений, позволяющих установить возможную связь между представлениями Е.Д.Поливанова и некоторыми доминирующими в России феноменологическими идеями.
3. В третьем разделе дается подробный сравнительный анализ отдельных положений концепций Е.Д.Поливанова и Г.Г.Шпета. Целью этого анализа является одновременно демонстрация нового подхода к изучению влияния феноменологии на российскую науку и привлечение внимания к уникальной интеллектуальной позиции Е.Д.Поливанова.

Влияние феноменологии Гуссерля в 1910–1920 годы

В синоптической перспективе можно утверждать, что в России с 1909 по 1923 г. феноменология была объектом пристального внимания и изучения. Первый перевод Гуссерля вышел в 1909 г. – это была публикация первого тома «Логических исследований» (в переводе Э.А.Бернштейн под редакцией С.Франка) [Гуссерль, 1909]. Начиная с 1923 г. можно отметить исчезновение ссылок на феноменологию. По сравнению с другими идеалистическими теориями, которые были обречены уже с 1922 г., феноменология действительно получила небольшую отсрочку, благодаря, в частности, определенным взглядам марксиста Л.И.Аксельрода, который полагал, что феноменология не противоречит марксистским научным идеалам, позволяя, с одной стороны, развивать аргументы против скептицизма, а с другой – очищать философию от религиозных представлений [Dennes, 1998, p. 162; Коган, 1995, с. 97].

Напомним читателю некоторые значимые для наших целей исторические события, которые произошли уже после публикации пресловутого ленинского указа в марте 1922 г. Вплоть до 1922 г. переиздается книга П.Блонского «Современная философия», одна из глав которой была посвящена «научной философии» (сходной с феноменологией), то есть помогающей освободиться от всех форм предустановок, мешающих познанию. Также в октябре 1922 г. Густав Шпет, самый известный представитель феноменологии в России, выступил с докладом на тему «Сущность философии» в рамках Института философии, относящегося к ассоциации научно-исследовательских институтов (АНИИ) при факультете общественных наук (ФОН)[1]. Густав Шпет продолжал возглавлять этот институт вплоть до 1923 г., до тех пор пока он не был смещен и заменен большевиком В.И.Невским. Начиная с 1923 г., когда ссылки на феноменологию были уже запрещены, а любые немарксистские философские взгляды обозначались как «идеалистические» и «буржуазные», Густав Шпет фокусирует свою деятельность в рамках ГАХН (Российской академии художественных наук), которая фактически просуществовала до 1929 г., хотя официально была закрыта в 1932 г.

Внук Г.Г.Шпета М.К.Поливанов писал об этом: «Академия являлась своего рода формой общего анахронизма, и, как это было в порядке вещей для конца НЭПа, она была ликвидирована» [Поливанов, 1995, с.13].

Речь идет о составе той Академии, где оказались бывшие студенты и ученики Густава Шпета. В 1925 г., к 20-летию профессиональной деятельности своего учителя, они посвятили ему сборник статей «Квартет». Среди авторов сборника были А.Ахманов, Н.Волков, Н.Жинкин, А.Зак и А.Цирес[2]. Некоторые из них, особенно А.Цирес и А.Ахманов, но более всех Н.Жинкин, подчеркивали связь мыслей Г.Шпета и Э.Гуссерля. Однако их интерес в основном был обращен к эстетике и направлен прежде всего на интерпретацию Густавом Шпетом понятий феноменологии.

Новая интерпретация феноменологических понятий была необходима в связи с тем, что открытия Густава Шпета в философии языка, связанные со структурой слова и экспрессии (выражения)[3], обозначенные им как «внутренняя форма слова», выступили в ГАХН основным методологическим принципом для эстетических подходов. Следует отметить, что последняя опубликованная при его жизни философская работа Г.Шпета «Внутренняя форма слова» [Шпет, 1999, 2007b] (первая публикация – 1927 г.; перевод на французский язык – 2008 г.), не содержит никаких прямых упоминаний о немецкой феноменологии. Переход от чистой философии (научной) к философии языка совершался постепенно. Г.Г.Шпет никогда не отказывался от феноменологических влияний, но эти влияния, учитывая обстоятельства, питали другой подход и были применены в иных, отличных от философии, областях знания – таких как история, эстетика, лингвистика [Dennes, 1998, p. 170–199].

В течение этого периода, с 1909 по 1923 г., мы можем определить и назвать некоторые важные вехи, касающиеся распространения, интерпретации и использования феноменологии Э.Гуссерля в России: 1911 г. – это издание на русском языке в журнале «Логос» параллельно с немецкой версией статьи Э.Гуссерля «Философия как строгая наука» [Гуссерль, 1911]; 1914 г. – выход в Москве в издательстве «Гермес» работы Г.Шпета «Явление и смысл. Феноменология как фундаментальная наука и ее проблемы» [Шпет, 1914, 2005; Shpet, 1991] (2005 г. – французский перевод). В 1910–

1920-е гг. многие авторы и философы знали Э.Гуссерля и ссылались на его работы. С.Франк написал в 1909 г. предисловие к переводу первого тома «Логических исследований», опубликовав также отзыв об этой работе в журнале «Логос» [Франк, 1910–1911, с. 272–273]; Н.О.Лосскому были близки некоторые аспекты интуитивизма Э.Гуссерля, однако его «Логика» вышла в Петрограде в 1922 г. [Лосский, 1922][4]; Б.В.Яковенко был в числе авторов журнала «Логос» [Яковенко, 1910–1911; 1913]; А.Ф.Лосев написал в 1921 г. «Феноменологию чистой музыки» [Лосев, 1921] (подробнее об этом см.: [Dennes, 2005]).

Мы не будем приводить здесь полный список тех, кто ссылался на труды Э.Гуссерля и, опираясь на его феноменологию, развивал собственные идеи. Для получения дополнительной информации по этому вопросу мы отсылаем читателя к уже цитированной работе «Гуссерль – Хайдеггер. Влияние феноменологии в России» [Dennes, 1998, р. 157–199] и статье «Влияние Гуссерля в России в начале XX века» [Dennes, 1997a].

Следующие две цитаты могут продемонстрировать то влияние, которое имела феноменология Э.Гуссерля в Москве перед I Мировой войной.

Первое высказывание принадлежит самому Густаву Шпету. В апреле 1914 г. он писал своему учителю Эдмунду Гуссерлю: «Феноменология обнаруживает здесь большой и серьезный интерес во всех философских кругах. До сих пор мы недостаточно хорошо изучали «Идеи», но почти все вокруг говорят о феноменологии, и даже у меня есть особые ассоциации по изучению феноменологических вопросов. Оценки, которые даются феноменологии повсюду, высокие и благоприятные. Феноменология воспринимается как шаг вперед и обновление философии» [5].

В тот же период об этом говорил Борис Пастернак, четко указывая на феноменологические предпочтения московской интеллигенции в сравнении с другими философскими течениями Западной Европы: «Симпатии распределялись между тремя именами. Большая часть увлекалась Бергсоном. Приверженцы геттингенского гуссерлианства находили поддержку в Шпете. Последователи Марбургской школы были лишены руководства и, предоставленные самим себе, объединялись случайными разветвлениями личной традиции, шедшей еще от С.Н.Трубецкого» [Pasternak, 1989, с. 36].

Наконец, для того чтобы показать связь феноменологических исканий с языком, представляется важным отметить, какое влияние оказала феноменология, начиная с 1910-х годов, на одну из наиболее важных фигур XX века в лингвистике – Романа Jakobsona.

Начиная с 1913 г. Роман Jakobson часто посещал при Московском университете семинары профессора Георгия Челпанова, на которых обсуждались вопросы, связанные с феноменологией Э.Гуссерля [Holenstein, 1976, р. 8]. Jakobson уже был знаком с «Логическими исследованиями» Э.Гуссерля и интересовался, в частности, проблемами связи речи и значения (первое исследование), отношением целого и частей (третье исследование) и идеями «чистой грамматики» (четвертое исследование). Благодаря названному семинару он также обнаружил второй том «Логических исследований», который только что был переиздан в Германии и который впоследствии сопровождал Р.Яковсона во всех его странствиях [Ibid. P. 9].

Однако влияние, которое оказала на Р.Яковсона феноменология, не ограничивается учением Э.Гуссерля и его последователей в Германии [6]. Это влияние связано и с работами Густава Шпета, который придавал значительно большее значение естественному языку по сравнению с языком математики. По словам Э.Голенштейн, Роману Jakobsonу стало известно о работе русского философа в 1917 г. [Холенштайн, 1996, с. 17], но в своем письме к Шпету в 1929 г. Р.Яковсон признается, что эта работа повлияла на него значительно позже, чем «Введение в этническую психологию», опубликованное в 1927 г. [Шпет, 1989; 2006]. Наиболее важным местом, где эти два ученых пересекаются и где влияние Г.Шпета на Р.Яковсона могло осуществляться более конкретно, был Московский лингвистический кружок. В 1920 г. Густав Шпет стал его членом. Там он

выступил с докладом на тему «Эстетические моменты в структуре слова», текст которого позднее, в 1922 г., вошел в его «Эстетические фрагменты» [Holenstein, 1976, p. 68; Шпет, 1922-1923, 2007a].

В книге 1970 г., посвященной истории русской фонологии, А.Реформатский писал: «Я был членом ОПОЯЗ и московского лингвистического кружка, появившегося по инициативе Р.О.Якобсона и считавшегося самым передовым языковым центром того времени. Кстати, в 1920 г. я был студентом Р.О.Якобсона, который вел курс под названием «Русский язык» в театральной школе при Государственном Театре РСФСР, где я тогда учился. Идеи, которые я получил на заседаниях Московского лингвистического кружка и в личных беседах с О.М.Брик и Б.В.Шкловским, привели меня к формальному методу в поэтике и к углублению этого метода в лингвистике (1922). Г.Г.Шпет, с которым я участвовал в двух семинарах, играл там большую роль» [Реформатский, 1970, с. 14–15].

Что касается Р.Якобсона, то сам он считал, что «смещение стилей мышления феноменологического и структурного у Густава Шпета лежало в основе его структурной лингвистики» [Haardt, 1993, p. 18]. Позже, в своем эссе на тему «Доклады лингвистические и других наук о языке» [7] Р.Якобсон снова упоминает роль Г.Шпета в распространении философского подхода (vs феноменологии) среди членов Пражского лингвистического кружка [Dennes, 1998, p. 208–209; 1997b; 2001].

Всего этого вполне достаточно, чтобы продемонстрировать влияние феноменологии в России в 1910–1920 гг. и понять ту важную роль, которую играл Густав Шпет в развитии определенного направления, где размышления о языке, о структуре слова и выражения, по всей вероятности, дополнялись передовыми веяниями из философии и даже лингвистики. Последние работы Татьяны Щедриной, которая сосредоточивается на «сфере разговора», характеризуя ту развивающую среду, в которой вращался Густав Шпет, позволяют понять важность влияния мысли великого философа в 1910-е гг. [Щедрина, 2004]. Изыскания, проводимые в ГАХН с конца 1990-х годов в связи с ГАХН, позволяют, в свою очередь, выявить доминирующую роль, которую играло понятие внутренней формы слова в творчестве Густава Шпета, и проинтерпретировать его представления о структуре слова и выражения в качестве методологического принципа для всех наук о человеке, в том числе лингвистики [Полева, 1998; Марцинковская, 1998; Dennes, 2006; Dennes, 2008; Zavialoff, 2007a, 2007b].

Г.Г.Шпет и Е.Д.Поливанов: сравнительный анализ

Насколько мне известно, значительных контактов между Евгением Поливановым и Густавом Шпетом не было. Демонстрируя различия и даже откровенную оппозиционность некоторых положений [8], эти два человека игнорировали друг друга и делали вид, что незнакомы. Евгений Поливанов не входил в «сферу разговора» Густава Шпета. Е.Поливанов никогда не ссылался на Густава Шпета и ни один из комментаторов Е.Поливанова не упоминает ни Г.Шпета, ни феноменологию. Два исследователя работали «в отдельных вселенных» и имели весьма разные научные интересы. Но имеются серьезные основания для того, чтобы сделать некоторые оговорки к сказанному выше.

Во-первых, мы можем сослаться на Владимира Зинченко, который в своей книге «Мысль и слово Густава Шпета» [Зинченко, 2000] подчеркивает парадокс времени. Высказывая удивление по поводу отсутствия или слишком малого количества ссылок на Г.Шпета в трудах его современников, Владимир Зинченко пишет: «Может быть, причиной отсутствия отклика была его слишком большая известность?» [Зинченко, 2000, с. 7].

Густав Шпет представляется как мыслитель, имеющий очень широкий круг общения, но похоже, что вдали от его интеллектуальной деятельности идеи, к которым часто обращались, трактовались неправильно. В.Зинченко ссылается на воспоминания А.Белого, который, воспринимая себя в качестве близкого друга Г.Шпета, писал, что Г.Шпет был критично настроен к каждому, особенно

когда речь шла о научных работах. Владимир Зинченко сделал следующие выводы: «Я понимаю, что проблема взаимных отсылок сложна не только в репрессированной и подцензурной науке. Не менее удивительно «незамечание» друг другом Бахтина и Выготского, Выготского и Бернштейна, хотя последние были хорошо знакомы. Странно также, что нет сведений об участии Бахтина, Бернштейна, Выготского в работе ГАХН, хотя они все имели отношение к искусству, во всяком случае, не меньшее, чем психологи Жинкин, Кравков, Смирнов, активно участвовавшие в ее работе» [Там же. С. 7].

Кроме того, В.Зинченко добавляет: «Невозможно представить, что Бахтин, Выготский и Леонтьев (последний ведь тоже слушал лекции Шпета в Московском университете) не знали книги Г.Шпета “Явление и смысл”. И тем не менее они, неоднократно ссылаясь на Э.Гуссерля, обошли эту работу» [Там же. С. 9–10].

Вопрос, который в полной мере мы имеем право задать, заключается в следующем: не будет ли подобное верно и в отношении Е.Д.Поливанова? Опираясь на известные эпизоды его жизни и его работы, можем ли мы предположить, что, бывая в определенных местах и встречаясь с определенными людьми, он был незнаком с основными тезисами Густава Шпета? Мог ли он оставаться независимым от того, чему учила феноменология, – как в своей оригинальной форме, так и в той интерпретации идей Э.Гуссерля в России, которую осуществил его ученик?

Есть ряд доводов, позволяющих развернуть анализ в этом направлении.

Начнем с той формы отношений, которые Е.Д.Поливанов поддерживал с ОПОЯЗом. Это важно, поскольку, как и Л.П.Якубинский, Е.Д.Поливанов занимал особое место среди тех, кто часто бывал там. В этой связи сошлемся на статью Катерины Дженти, опубликованную на французском языке в 1977 г. [Genty, 1977]. Особо подчеркнем уже упомянутое здесь отсутствие отсылок; по этой причине мы также должны сослаться на работы Г.Почепцова по семиотике в России [Почепцов, 1998, с. 111]. Б.В.Шкловский, пишет Г.Почепцов, очень быстро «потерял» из поля зрения Л.П.Якубинского и Е.Д.Поливанова, посвящая им небольшие абзацы, тогда как Б.М.Эйхенбауму и Ю.Н.Тынянову посвящены целые главы.

Интересно процитировать следующий текст Г.Почепцова: «Так что историческая справедливость требует отдельного разговора^[9] о Л.П.Якубинском и Е.Д.Поливанове, тем более что они и сами выделились: а) заложив основы изучения именно поэтического языка, а не прозы, б) будучи лингвистами, а не литературоведами, как остальные участники формальной школы, в) Поливанов и Якубинский были коммунистами. Поливанов еще до Октябрьской революции, а Якубинский с первого года революции» [Там же. С. 111]. (Отметим, что Г.Почепцов цитирует «Тетиву» В.Б.Шкловского [Шкловский, 1983, с. 132]).

Согласно Г.Почепцову, именно в связи с этой дифференциацией / дистанцированием от формальной школы и Е.Д.Поливанов, и Л.П.Якубинский и в ОПОЯЗе уделяли особое внимание поэзии и ввели понятие «поэтического языка» в противоположность языку бытовому, повседневному, прозаическому.

Мы обнаруживаем здесь интересную особенность, которая указывает на увеличение дифференциации между двумя концепциями поэтического языка. Одна из этих концепций была формалистской ориентации и разрабатывалась с целью дать формальное обоснование автономии поэтического языка, отличающегося от подразумеваемых практических (внешних по отношению к себе самому) целей, что вело к уходу от реального мира, а также служило для обоснования поэтики футуризма. Другие же направления носили в большей степени функциональный или семиотический характер и обращались к активной игре различий между значащим и незначащим (или имеющим косвенное значение). Примером могут служить исследования Е.Поливанова о функции жеста в японском языке или о музыкальных элементах китайского языка [Иванов, 1999, с. 759], а также поэтические эссе Е.Поливанова, исполненные китайского влияния.

Еще более важно, что Л.П.Якубинский пришел в семиотику в 1923 г. с идеями о диалогическом дискурсе в поэзии («О диалогической речи») [Почепцов, 1998, с. 115; Якубинский, 1986, с. 17–58] и «модификации смысла слова». Он считал, что языковое выражение всегда преследует определенную цель, однако намерения говорящего могут соответствовать чему-то (концепции, например), что еще только формируется. Отсюда не столь далеко до выявления семиотической структуры любого акта коммуникации, поэтического или нет, который всегда имеет дело с актом творения (художественного или философского), – структуры, которую Густав Шпет в то же время пытался выявить в исследовании языка. В одном случае речь идет об отношении к реальному миру практики, эмпирических данных, где первоначальное значение элиминировано в результате *остранения* [10]; во втором случае речь идет об идеях Поливанова и Якубинского, которые питаются от опыта других культур и языков неиндоевропейской группы, обращая внимание на процессы модификации. Однако взаимосвязи с реальностью, внешние по отношению даже к поэтической речи, остаются и в этом случае.

Это вполне соответствует намерению Густава Шпета, книга которого, изданная в 1914 г., была основана на феноменологии, ввести (используя на собственный манер понятие «модификация нейтралитета») понятие «квазиэнтелехия». Конечно, мы не можем здесь доказать факт влияния авторов друг на друга. Ни один из ученых не приводит цитат и не ссылается на мысли коллеги. Но сами по себе идеи были в духе эпохи, и, согласно полученному образованию, Г.Шпет, с большей или меньшей вероятностью, мог присоединиться к любой позиции. Его интеллектуальная подготовка позволяла ему понять позиции авангарда и либо поддержать, либо критиковать его. Так было, в частности, в дискуссии о футуризме.

Интерес Е.Д.Поливанова к футуризму, и в частности к языку *зауми*, отражает как его личные особенности, так и профессиональные обязанности, связанные с тем, что он был лингвистом, специалистом в японском, китайском и турецком языках. Подход Е.Д.Поливанова отличался от литературоведческого, был ближе к подходу Романа Jakobsona; отличия основывались на полученном образовании и лингвистических влияниях [11]. Ссылки Романа Jakobsona на феноменологию Гуссерля в попытке осветить поэзию В.Хлебникова, кажется, не привлекли внимания Е.Д.Поливанова. Что заинтересовало Поливанова, так это конкретные работы о языке, о звуках и фонемах. В принципе, его анализ модусов передачи значений, основанный на примерах из китайского языка, ограничивал значение высказываний Jakobsona [Там же. С. 140–141] и мог бы найти теоретическую базу в работе Густава Шпета по структуре слова. Прделанный Е.Д.Поливановым анализ подводил к критике футуризма, так же как идеи, развитые Густавом Шпетом в «Эстетических фрагментах», опубликованных в 1923 г. [Шпет, 2007а]. Однако взаимопроникновения этих позиций не произошло, так же как не произошло и синтеза идей Поливанова с футуризмом.

Е.Д.Поливанов следовал собственному пути: его работы о фонемах, о процессах дивергенции и конвергенции привели его к оценке важности непосредственной работы с языком и звукопроизношением, к практике любителей *зауми*. При этом он дистанцировался от представителей ОПОЯЗа, тех, кто, подобно Густаву Шпету и Роману Jakobsonу, формировался в контексте идей Московского лингвистического кружка. В то же время Е.Д.Поливанов не мог не знать об их работе, хотя бы от своего друга Маяковского, который часто посещал лингвистический кружок и был по крайней мере на одном из выступлений Густава Шпета. Наконец, и сам Поливанов находился в Москве между 1926 и 1929 гг., что было связано с работой, возложенной на него В.М.Фришем в контексте деятельности РАНИОН и требующей изысканий в области лингвистики и критики школы Фортунатова.

Кроме того, представляется очевидным, что Е.Д.Поливанов не мог игнорировать опубликованные в 1927 г. работы Густава Шпета по проблеме внутренней формы слова [Шпет, 1999, 2007b, 2008]. Однако Густав Шпет уже стал фигурой, противостоящей официальной идеологии. Его идеи и подходы, его деятельность в ГАХН воспринимались как все более вызывающие, и мы понимаем, что Поливанову лучше было о Шпете не упоминать, тем более что в это время фокус интересов

Е.Д.Поливанов перемещался на другие проблемы и на передний план выходила полемика с Н.Марром [Velmezova, 2007; Genty, 1977]. Шли прения между сторонниками неевропейских языков, а феноменология Гуссерля была «отменена». Что касается русской версии феноменологии, которая развивалась в области философии языка, то она не поддерживалась властями. Как пишет Владимир Зинченко, Густав Шпет «жил в параллельном времени, в своем времени» [Зинченко, 2000, с. 201], как и Манделштам, находясь в поисках своего собеседника... Поливанов таким не был.

Густав Шпет и Евгений Поливанов: разные формы сходства

В этой третьей и заключительной части в свете всего вышесказанного хотелось бы задаться вопросом о возможных точках соприкосновения между взглядами двух ученых. Обращаясь к работе в совершенно другой области, которая была проделана E.Przywara и посвящена проблеме аналогий (*analogia entis*) [12], можно сказать, что если различия между Евгением Поливановым и Густавом Шпетом более существенны, чем аналогии, это не означает, что невозможно найти то, что их сближает, обсуждая влияние феноменологии, хотя бы и невысказанное, на произведения Е.Д.Поливанова. Такая работа должна дать нам метод для исследования влияния некоторых течений западной философии на развитие науки в России в тот период, когда эти течения не приветствовались официальной идеологией.

Говоря о различиях, надо отметить, что, по-видимому, они не могут быть велики. Густав Шпет был не лингвистом, а прежде всего философом. Когда он обращается к вопросам языка, он остается философом. Его философия языка обретает свои корни в европейской философской культуре: предельная логика [13]; номинализм [Dennes, 2007, p. 209–219]; философия англосаксонского языка; влияние которой столь же явно в наследии Юма, как и Рида, и Шефтсберри; феноменология Гуссерля [Dennes, 1997a, 1997b, 1998, 2001, 2005; Pighetti, 1999], герменевтика Дильтея [Dennes, 2006b] и Гумбольдта [Шпет, 1999, 2007b; Zavialoff, 2007a; Dennes, 2006a, 2008a]. Что касается ссылки на внутреннюю форму слова, она обращает нас к Потебне, требуя осуществить критический обзор и ясно дистанцироваться от генетического подхода и эпистемологии русской лингвистики [Dennes, 2008b].

Исследования в области языка были для Шпета средством выявления методологического принципа, важного для развития наук о человеке в целом, это была базовая структура, включающая в себя все культурные реальности. Евгений Поливанов является, по сути, лингвистом («выдающийся лингвист», пишет Рене Гермит [Hermitte, 1969]), который в контексте общего языкознания занимался проблемами диалектологии, ориентализма. Однако, как утверждает Яковлев, «прикладная» лингвистика имела в виду восточные языки (японский, китайский, турецкий) в качестве языков меньшинств в СССР, это языки устной речи, и они требовали значительных личных усилий для развития алфавитов, сбора материалов, написания грамматики, пособий и т.д. На материале этого «прикладного» языка, правда, можно сделать выводы, ведущие к оспариванию того, что представлялось несомненным в области общего языкознания.

Будучи сторонником того, что называлось в 1920-е годы «новым учением о языке», Поливанов развивал своего рода критический подход к индо-европеизму в лингвистике [Поливанов, 2006, с. I–II], яфетическим теориям [Звегинцев, 1965, с. 284–285; Поливанов, 1968, 2003] или даже общей фонологии Якобсона [Поливанов, 1968, с. 135–142]. Критика, однако, была различной по своей природе. Критика языкознания Марра отличалась радикальностью. Подобное осуждение носило ненаучный характер в отличие от объективного критического анализа европейской лингвистики (исторической, сравнительной). Последние работы не направлены на осуждение, их цель – проанализировать и наметить перспективные выводы, интеллектуальная строгость и научная честность такой работы находят признание.

Е.Д.Поливанов не отвергал историческую и сравнительную лингвистику, а включал ее в более широкий контекст, что позволяло расширить перспективы исследования. Индоевропейских языков

не так много, чтобы рассмотреть их в качестве языка для разработки методологического принципа. Эвристичность своего подхода Е.Д.Поливанов уже продемонстрировал при сравнительном анализе эволюции и системы функционирования индоевропейских языков. В 1931 г. изложил свою позицию в статье «Историческое языкознание и языковая политика», опубликованной в книге «За марксистское языкознание». Эта книга была переиздана в 1965 г. В.Звегинцевым [Звегинцев, 1965, с. 320–336] и в 2003 г. – профессором А.И.Королевой [Звегинцев, 1965, с. 10–53]. В этой работе интеллектуальная смелость Е.Д.Поливанова стала очевидной. Педантично он разбирает аргументы, представляемые буржуазной наукой в историческом и сравнительном языкознании, чтобы отклонить их, поскольку это отвечало его осведомленности в индо-европейских языках [14].

Мы уже располагаем (не погружаясь в более подробный анализ деятельности ученых) достаточным фактическим материалом, чтобы понять, каким образом в рамках существенных различий между Шпетом и Поливановым можно выделить общие черты, касающиеся не конкретного содержания их исследований, но научного подхода.

Как и Густав Шпет, Евгений Поливанов в основном исходил из требований строгости и научности. Интеллектуальная честность была характерной как для лингвиста, так и для философа. Каждый из них видел в революции не отказ от подлинных результатов исследований, а возможность преодолеть установки, которые вводили ограничения на дальнейшее развитие соответствующих исследовательских областей. Мы находим сходство и в предисловии Евгения Поливанова к «Введению в языкознание» [Поливанов, 2006] и в предисловии Густава Шпета к «Введению в этническую психологию» [Шпет, 1989, 2006], написанных почти в одно и то же время, в 1927–1928 гг. Это одни и те же ожидания большей научности, возможности расширить исследовательские горизонты и сформулировать новые методологические принципы. Оба заявляют о наступлении «новой эры». Также можно сослаться на отзыв Поливанова о работе Якобсона, который мы уже упоминали [Поливанов, 1968, с. 135]. То, что в то время называлось «пролетарской наукой», не имело для Поливанова позитивного значения.

Поливанов, как и Шпет, оценивал советское государство с точки зрения того, насколько оно обеспечивает доступ к новым этапам культурного развития, к возможности всестороннего развития науки, которая включает в себя создание новых парадигм как шаг в развитии мировой культуры и позволяет продвигаться вперед в эволюции мышления. В то время были и другие ученые, которые разделяли подобную веру (например, Богданов, Бахтин). Речь в данном случае не идет о том, чтобы судить о правильности их веры в молодое советское государство. Мы знаем, чего это им стоило. Поэтому хотелось бы понять, что скрывалось за этой верой, что было закамуфлировано, а что было подлинным.

Аналогию с методологического уровня можно перенести на содержательный уровень исследования. В качестве примера рассмотрим только некоторые моменты, которые мы считаем наиболее важными.

В соответствии с тем, что мы уже говорили о необходимости эволюции культуры, каждый ученый предлагает, исходя из собственных исследований, направление и содержание работы. У Г.Шпета это были исследования структуры слова и выражения, которые в 1920-е гг. позволили ему переформулировать понятие внутренней формы слова, открыть, что представляет собой сам феномен «языка» (с точки зрения синхронической, статической) и возможность (с точки зрения диахронической, эволюционной) отчуждения уже фиксированных значений от их смысла, позволяющих ввести любой смысл в новые рамки. Понятие квазиэнтелехии уже было развито в «Явлении и смысле», а тема художественного творчества развита во «Внутренней форме слова» как одна из форм квазилогики, лежащая в основе квазисубъективности и порождающая субъекты [Шпет, 2007b, с. 475; 2008, с. 235]. Последнее может также отображаться как квазипредмет [Шпет, 2007b, с. 443; 2008, с. 199], поскольку то, что выражается (результат выражения), есть предмет коммуникации.

Процесс коммуникации основывается на той же базовой структуре, которая связана с пониманием, означает для говорящего и его собеседника участие в общих целях и требует конгенности. «Живое участие в творческом акте», согласно Г.Шпету, есть «социокультурный факт» по преимуществу, производящий «безграничное мы», демонстрирующее бесконечность культуры, основы которой он попытался сформулировать [Шпет, 2007b, с. 500–501, 2008, с. 269].

Аналогичное содержание можно обнаружить и в работах Е.Д.Поливанова. Использование понятий конвергенции и дивергенции позволяет ему переносить и развивать их в области общего языкознания, в наблюдениях, анализе и исследовании в области фонетики и морфологии, показывая влияние конвергенции и дивергенции на процессы ассимиляции и фрагментации в формировании слов. Применительно к изучению языка, они связаны с порождением новых форм, которые позволяют объяснить эволюцию языка как социальной реальности (S.Tchougounnikov, 2005, “Entre organicisme et post-structuralisme: deux âges du discours russe-soviétique sur le langage et la littérature (1914-1993)”). Такая диахроническая перспектива в качестве проекции в будущее, помещенная в контекст сравнительного языкознания, уже подразумевает рассмотрение с генетической точки зрения. Как и в случае с Густавом Шпетом, работа, сделанная на синтагматическом уровне, направлена у Поливанова на развитие если не принципов, то по крайней мере методологических и концептуальных инструментов для изучения более широких областей, для исследования развития языков, культур.

К этому можно добавить семасиологическую перспективу, которая также присутствует и у лингвиста, и у философа как исследователей базовой структуры, на основе которой конституируются все процессы. У Е.Д.Поливанова это связано с исследованием диалектов устной речи японского и китайского языков, и, в более общем виде, различий между устной и письменной речью, иными словами, тех исследований, которые привели его к разработке другой лингвистики, не только индоевропейской. Поливанов писал о различных формах представленности языка, придающих (по аналогии с жестами) субъективность высказываниям, или, в более широком плане, определяющих разницу в воздействии разных форм и частей языка [Почепцов, 1998, с. 114]. Здесь явно прослеживается аналогия с тем, что мы уже говорили о понятии квазиэнтелехии, которое использовал Шпет. Это позволяет нам повторить уже высказанное мнение, что два исследователя вращались в одной и той же интеллектуальной среде и что, несмотря на существовавшие между ними очевидные различия, они разделяли, не обязательно отдавая себе в этом отчет, основные представления: не только принципы аксиологического и методологического характера, но и манеру видения вещей и способы их интерпретации.

Можно предположить, что значительное влияние феноменологии в России в 1910–1920 гг. не прошло бесследно и что такие понятия, как интенциональность сознания и модификация нейтральности, которые были открыты и неоднократно интерпретировались Г.Шпетом в 1914 г., обогащали его философию языка и видение культуры. Важной темой, привлекавшей внимание многих в ту эпоху, была способность субъекта к освобождению посредством языка и творчества, что важно и для будущего мира, и для будущего культуры. Общим для Е.Д.Поливанова и Г.Г.Шпета было еще и то, что они оба, хотя каждый по-своему, прошли через круги структурализма и семиотики.

Внимание, которое мы сегодня проявляем к источникам этих течений российской мысли, вызвано тем, что они прошли через весь XX век. Поэтому в новых публикациях, посвященных анализу творчества ведущих ученых, говорится о необходимости вновь и вновь возвращаться к тому, что было забыто – забыто в качестве концептуальных основ гуманитарных наук.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Национального центра научных исследований Франции (CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique), проект 09-06-95321a/фр «Взаимосвязь и взаимовлияние российской и французской гуманитарной науки в первой половине XX века».

Литература

- Гуссерль Э. Логические исследования. Ч. 1. Прологомены к чистой логике. СПб.: Образование, 1909.
- Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос. 1911. Кн. 1.
- Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и изречениях. М.: Просвещение, 1965.
- Зинченко В. Мысль и Слово Густава Шпета: Возвращение из изгнания. М.: УРАО, 2000.
- Иванов В.В. От слова к знаку: Е.Д.Поливанов // Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Коган Л.А. Непрочитанные страницы (Г.Г.Шпет – директор Института научной философии: 1921–1923) // Вопросы философии. 1995. N 10. С. 95–105.
- Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. М.: Изд. автора, 1927.
- Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 193–330.
- Лосский Н.О. Логика. Ч. 1. Петроград: Наука и Школа, 1922.
- Лосский Н.О. Логика. Ч. 2. Берлин: Обелиск, 1923.
- Марцинковская Т. Проблема социальных эмоций как одной из доминант формирования самосознания личности // Искусствознание. 1998. N 1. С. 266–279.
- Плотников Н.С. На пути к разговору // Вопросы философии. 1995. N 5. С. 169–185.
- Полева Н. Проблема внутренней формы в трудах ученых ГАХН // Искусствознание. 1998. N 1. С. 280–294.
- Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. М.: Федерация, 1931.
- Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968.
- Поливанов М.К. Жизнь и труды Густава Шпета // Шпет в Сибири, ссылка и гибель / сост. М.К.Поливанов, Н.В.Серебренникова, М.Г.Шторх; ред. Н.В.Серебренникова. Томск: Водолей, 1995.
- Почепцов Г.Г. История русской семиотики до и после 1917 г.: учеб.-справоч. изд. М.: Лабиринт, 1998.
- Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание. Смоленск: СППУ, 2003.
- Поливанов Е.Д. Введение в языкознание. Изд.30-е, стер. М.: КомКнига, 2006.
- Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970.
- Франк С.Л. Э.Гуссерль. Логические исследования, ч. 1, СПб, 1909 [Предисл. к пер. кн. Э.Гуссерля «Логические исследования»] // Логос. 1910–1911. Кн. 1. С. 272–273.

Холеништайн Э. Якобсон и Гуссерль / пер. С.Мазура // Логос. 1996. N 7. С. 7–37.

Шкловский В.Б. Избранное: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1983.

Шпет Г.Г. Явление и смысл. М.: Гермес, 1914.

Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. Петроград: Колос, 1922–1923.

Шпет Г.Г. Сознание и его собственник // Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. С. 20–116.

Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на тему Гумбольдта // Психология социального бытия / под ред. Т.Д.Марцинковской. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996.

Шпет Г.Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и ее проблемы // Мысль и слово: избр. тр. М.: РОССПЭН, 2005.

Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Философия и психология культуры. М.: Наука, 2007а. С. 274–365.

Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избранные психолого-педагогические труды / под ред. Т.Г.Щедринной. М.: РОССПЭН, 2007б.

Щедринна Т.Г. «Я пишу как эхо другого...»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета: монография. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

Яковенко Б.В. О современном состоянии немецкой философии // Логос. 1910–1911. Кн. 1. С. 250–67.

Яковенко Б.В. Философия Э.Гуссерля // Новые идеи философии: сборник 3 / под ред. Н.О.Лосского, Э.А.Радлова. СПб., 1913.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование / отв. ред. А.А.Леонтьев. М.: Наука, 1986. С. 17–58.

Aucouturier M. Le formalism russe. P.: PUF, 1994.

Dennes M. L'influence de Husserl en Russie au début du XXe siècle // Slavica occitania. 1997а. N 4. P. 153–175.

Dennes M. L'influence de Husserl en Russie au début du XXe siècle et son impact sur les émigrés russes de Prague // Cahiers de l'ILSL (en collaboration avec les Cahiers Roman Jakobson). 1997b. N 9. P. 47–68.

Dennes M. Husserl – Heidegger. Influence de leur oeuvre en Russie. P.: l'Harmattan, 1998.

Dennes M. L'école russe de phénoménologie et son influence sur le Cercle linguistique de Prague: Gustav Špet et Roman Jakobson // Prague entre l'Est et l'Ouest – l'émigration russe en Tchécoslovaquie – 1920–1938. P.: l'Harmattan, 2001. P. 32–63.

Dennes M. The Place and Role of Husserlian Phenomenology in Aleksei Losev's Philosophy // Russian Studies in Philosophy (M.E.Sharpe). 2005. Vol. 44, N P. 33–43.

Dennes M. De la 'structure du mot' à la 'forme interne' chez Gustav Špet // L'Allemagne des linguistes

russes (Revue Germanique internationale). 2006a. N 3. P. 77–92.

Dennes M. Le Renouveau de l'herméneutique à travers la reprise en compte de l'œuvre de Gustav Špet // Chroniques slaves. 2006b. N 2 (CESC, Université Stendhal – Grenoble 3). P. 173–183.

Dennes M. Le rôle et la signification de la référence au nominalisme dans Le Phénomène et le sens de Gustav Špet // Le corps de l'écriture dans la modernité russe. 2007. P. 95–123.

Dennes M. (Ed.). Gustav Špet et son héritage. Aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique // Slavica occitania. 2008a. N 26.

Dennes M. Špet et Potebnja // Autour du skaz. Nicolas Leskov et ses héritiers / C.Géry, éd. P.: Institut d'études slaves, 2008b. P. 211–229.

Genty C. Entre l'histoire et le mythe (1891–1938) // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1977. N XVIII (3). P. 275–303.

Haardt A. Husserl in Russland. Phänomenologie der Sprache und Kunst bei Gustav Spet und Aleksej Losev. München: W.Fink, 1993.

Holenstein E. Linguistik Semiotik Hermeneutik. Plädoyers für eine strukturelle Phänomenologie. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1976.

L'Hermitte R. La Linguistique soviétique // Langages. 1969. N 15. P. 3–13.

Nethercott F. Une rencontre philosophique. Bergson en Russie. P.: L'Harmattan. 1995.

Pasternak B. Sauf-conduit / trad. fr. par M.Aucouturier. P.: Gallimard, 1989.

Pighetti N. Gustav Špet, de la phénoménologie à une “dialectique herméneutique” // Revue de Métaphysique et de Morale. 1999. N 3. P. 333–350.

Przywara E. Analogia entis. Metaphysik. Ur-Struktur und All-Rhythmus (Bd III der Schriften). Freiburg: Einsiedeln, 1962.

Secretan Ph. L'analogie. Paris: PUF, 1984.

Shpet G.G. Phenomenology as the Fundamental Science and its Problems. Dordrecht – Boston – London: Kluwer, 1991.

Velmezova E. Les lois du sens: la sémantique marriste. Bern: P.Lang, 2007.

Zavialoff N. Actualité de la notion de forme interne chez Gustav Špet // G.G.Špet. La Forme interne du mot. Etudes et variations sur des thèmes de Humboldt / tr. par N.Zavialoff. P.:Kimé, 2007 a. P. 15–46.

Zavialoff N. Corps socialisé et corps biologique // G.G.Špet. La Forme interne du mot. Etudes et variations sur des thèmes de Humboldt / tr. par N.Zavialoff. . P.:Kimé, 2007b. P. 279–298.

[1] Ассоциация научно-исследовательских институтов (АНИИ) была создана осенью 1921 г. и относилась к факультету общественных наук (ФОН). Ассоциация включала в себя семь институтов, в том числе – научной философии во главе с Г.Г.Шпетом (до 1923). В 1924 г. эти институты были отделены от ФОН и включены в российскую ассоциацию научных институтов в

области общественных наук (РАНИОН), которая, в свою очередь, будет расформирована в 1930 г. [Коган, 1995, с. 97; Dennes, 1998, p. 161–162].

[2] Сборник «Квартет», Москва, отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Ф.718, Г.Г.Шпет, дело 23 со статьями: А.Ахманов «Интеллектуальная интуиция и эстетическое восприятие»; Н.Волков, «О суждении»; Н.Жинкин «Вещь»; А.Зак «О строении общества»; А.Цирес «Возможности».

[3] Открытие сделано Г.Г.Шпетом в 1914 г., см.: [Шпет, 1914].

[4] Интерес Н.О.Лосского к феноменологии Э.Гуссерля прослеживается даже в 1909 г., в опубликованном в этом году отзыве о русском переводе «Логических исследований» («Русская Мысль», 1909, 12). О предмете интереса Н.О.Лосского к феноменологии Э.Гуссерля – см.: [Плотников, 1994], и его комментарии к работе В.П.Филатова «Интуитивизм Лосского и его отношение к феноменологии». См. также: [Nethercott, 1995, p. 176].

[5] Письмо Г.Шпета Э.Гуссерлю от 21.IV/4. V. 1914 [Цит. по: Holenstein 1976 p. 15].

[6] См., например, рассуждения о языке в работе Курта Коффки «Анализ представлений и их законов», опубликованной в 1912 г., которые Р.Якобсон проанализировал на одном из семинаров Г.И.Челпанова, где он затронул, в частности, различие между объективными представлениями и необъективными (предметные и непредметные представления), уже развитое Э.Гуссерлем в «Логических исследованиях» [Holenstein 1976, p. 15].

[7] Текст опубликован в издании: «Эссе по общему языкознанию», Р.: Minuit, 1973.

[8] Например, см. ниже сюжет о футуризме.

[9] Мы обращаем внимание на слово «разговор», как и Т.Щедрина, потому что здесь развивается эхо – «сферы разговора», когда выше речь шла о Густаве Шпете.

[10] Данное давно использующееся понятие вряд ли заслуживает объяснения. Мы можем отослать к: [Aucouturier, 1994, p. 58–77].

[11] См. его доклад о работе Романа Якобсона «Заметки об эволюции русской фонологии по сравнению с другими славянскими языками», опубликованный в Праге в 1929 г. [Поливанов, 1968, с. 135–142].

[12] Erich Przywara ссылается на призыв Латеранского собора использовать и развивать в контексте современности идеи, что «различия всегда более существенны, чем аналогии». См. об этом: [Przywara, 1962] ; см. также: [Secretan, 1984, p. 47].

[13] Анализ влияния средневековой логики vs (против) предельной логики на Густава Шпета еще предстоит сделать, однако мы уже можем обратиться к «Внутренней форме слова», где есть конкретные ссылки Шпета на значимые труды (см., в частности, главу 4, где Шпет ссылается на фрагменты теории значения для эллинов (significatio) и пытается посредством них показать, как основные проблемы морфологии и синтаксиса могут быть сведены в подход на основе принципа троичной структуры, который он уже изложил в 1914 г. в «Явлении и смысле» [Шпет, 1999, с. 74]. Было бы интересно с этой точки зрения рассмотреть близость некоторых аспектов размышления о слове Густава Шпета и Абельяра.

[14] См., в частности, замечание, где он ссылается на A.Meillet: «Если буржуазная наука состоит в том, чтобы видеть факты такими, как они есть, то я принимаю на себя обвинение в буржуазности» [Поливанов, 2003, с. 15].

[Сведения об авторе](#)

Денн, Мариз. Ph.D., профессор, Университет им. Мишеля Монтеня Бордо 3, Бордо, Франция.
Почтовый адрес: Université Michel de Montaigne Bordeaux 3, Domaine universitaire, 33607 Pessac
cedex, France.

E-mail: maryse.dennes@u-bordeaux3.fr

[Ссылка для цитирования](#)

Денн М. Влияние феноменологии Э.Гуссерля на российскую науку 1910–1920-х годов
[Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 6(14).
URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421000116/0062.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в реестре ФГУП НТЦ "Информрегистр".]

[К началу страницы >>](#)